

Цивилизационные источники иберийских нацио-государств

Кирилл Федоров

Пространство проживания оказывает определенное влияние на формирование характеристик тех или иных народов и государств. Одновременно следует оговориться, что развитие любого народа и региональной общности не имеет абсолютной непрерывности и заданности, как может показаться, на некий достигнутый или на конечный результат. То есть нельзя утверждать, что возникновение Испании и Португалии в их нынешнем виде изначально было предопределено.

История народа состоит из ряда относительно самостоятельных периодов/этапов (при этом, каждый период мог иметь не один вариант будущего развития), которые дают почву для размышлений по поводу обретенного опыта и, возможно, каких-то иных альтернатив в будущем. Другое дело, что национальная история, как правило, игнорирует нереализуемые альтернативы ради целостности восприятия своего коллективного “Я” и консолидации или подтверждения легитимности власти.

При всем различии в интерпретациях национальной истории и ее отдельных периодов, осмысление обществом истоков и конечных результатов своего развития преследует определенную цель – национальную интеграцию, то есть поддержание единства и сплоченности общества перед лицом тех или иных вызовов и угроз¹.

Не все исследователи, не говоря уже о массовом сознании народов, могут согласиться с “конструктивистами”, считающими нацию преимущественно социально-обусловленной и, соответственно, “сконструированной”.

ФЕДОРОВ Кирилл Сергеевич – глава компании “United Catering”, окончил МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: иберийская региональная идентичность, арабская экспансия, Реконкиста, периферия европейского региона, формирование иберийских нацио-государств, иберийский национализм.

Зарождение иберийской идентичности

Для понимания эволюции иберийской региональной идентичности необходим ретроспективный анализ ее источников и генезиса с акцентом на те события и периоды, которые по-прежнему являются знаковыми для народов Пиренейского полуострова в процессах самоидентификации².

Иберийские нации осознают, что их первичные культурно-психологические основы закладывались в “доевропейское время”, когда пространство Пиренейского полуострова являлось частью самодостаточного и целостного средиземноморского социокультурного пространства и разнообразных коммуникаций средиземноморской цивилизации. Причем эта цивилизация по культуре и составу населения отличалась от современного одноименного региона. Все, что было севернее Средиземноморья – современная Западная Европа, – представляло собой пространство по своему развитию на порядок ниже³.

В античное время Пиренейский полуостров – это западная периферия средиземноморской цивилизации.

Миграции народов, торговля, войны, образование и гибель государств и империй оказали свое влияние на формирование и эволюцию средиземноморской цивилизации.

По мнению французского историка и социолога Ф.Броделя, Средиземноморье – “это пестрое лоскутное одеяло, ... некая система, где все сначала “сливается в один котел”, а затем рождается заново в самобытной целостной форме... Это граница между Востоком и Западом в изначальном, классическом смысле этих понятий”⁴.

Очаговые цивилизации Ближнего и Среднего Востока задали линии развития окружающему пространству⁵, которые реализовались в региональной средиземноморской цивилизации. Очевид-

но, определенную роль в передаче информации с Востока на Запад Средиземноморья сыграли финикийцы и греки, начавшие создавать свои колонии в западных районах средиземноморского бассейна⁶.

Так, первые оказали влияние на культурное развитие народов Средиземноморья. Вторые основали южно-средиземноморское государство – Карфаген, занимавшее значимое место на региональном рынке.

Гибель Карфагена, разрушенного Римом, на этом временном отрезке лишает развитие средиземноморской цивилизации эволюционной альтернативы.

После исчезновения Карфагена устанавливается гегемония Рима. Все государства Средиземноморья, а затем и более северные народы находились под его политическим и культурным влиянием. Масштабы Римской империи и ее военная мощь выстраивали соответствующую иерархию в идентификации соседних государств – они по определению являлись малыми по отношению к Империи.

Собственно говоря, Рим действительно превратил греческий Понт в море “середины Земли”. Под эгидой Империи окончательно сформировалась цивилизация. Но ее нельзя было идентифицировать как чисто римскую цивилизацию. Это была особая, качественно новая цивилизация со своим Центром и периферией. И именно ее особенность породила христианство, которое, в свою очередь, с помощью все того же Рима распространилось на все Средиземноморье.

Рим подчинил себе почти весь Пиренейский полуостров. Только территории проживания аустурийцев, басков, кандабров остались вне римского влияния.

В 38 г. до н.э. римская Испания была разделена на три провинции: Таррагону, Бэтику и Лузитанию⁷.

Римский период романизировал языки иберийских народов, "подарил" письменность

и оставил в наследство иберийским нациям память о причастности к Великому Риму.

Так, в частности, государство Испания свое наименование получило в наследство от римской провинции.

Исламо-христианский фактор в самоопределении иберийских народов

Христианский период означает новый этап в истории Средиземноморья. Это было время начала распада Римской империи и время раскола христианства, когда зарождаются "особенности чувственного восприятия мира, свои проблемы и темы культуры"⁸ Востока и Запада, Юга и Севера.

С расколом Рима образуются два средиземноморских субрегиона – Западный и Восточный, на взаимоотношения которых в значительной степени повлиял раскол в христианской религии на восточное (православное) и западное (католическое) течения. При этом христианизация языческой периферии той и другой Империи осуществлялась Константинопольским и Римским престолами. Из рук Рима приняли христианство страны Центральной, Северной и Западной Европы, в том числе и иберийские народы.

В римский период Средиземноморья Пиренейский полуостров, с одной стороны, находился на периферии политических процессов, инициируемых Римом, а с другой – это пространство, расположенное на коммуникациях Восток – Запад, Север – Юг, было зоной контакта культур и цивилизаций.

С падением Рима силовой центр региона опять смещается к Восточному Средиземноморью – в Византию. Более того, рядом с Византией зарождается новая сила – арабское государство, создавшее еще одну мировую религию – ислам.

Начавшаяся арабская экспансия осуществлялась под знаменем ислама.

Арабы не только завоевали все южное побережье Средиземноморья, но и проводили политику исламизации местного населения. Через определенное время очередь дошла и до северного побережья Средиземноморья, в результате арабы завоевали почти весь Пиренейский полуостров. Непокоренными остались северные территории, куда и начали переселяться те, кто мог уйти из южных районов полуострова.

Так, Юго-Западная периферия Европы становится на несколько веков местом сопряжения двух мировых религий – ислама и христианства, средневековой арабской и европейской культур. Северная часть полуострова стала тем местом, где не только сохранялась культура иберийских народов, но и зарождается Реконкиста – движение за освобождение своей Родины от арабских завоевателей, которое дало толчок новым процессам в развитии иберийских народов, результаты которых можно проследить и в настоящее время.

Реконкиста способствовала закалке характера иберийских народов, осознанию ими своего национального "Я" и своей значимости как передового отряда христианского мира в борьбе с исламом, а также появлению тех тенденций, которые привели к образованию испанского и португальского государств. Одновременно утверждается чувство принадлежности к христианству как миру европейских народов.

В свою очередь, арабская культура оставила свой след в национальных культурах иберийских народов: в языке

и литературе, искусстве и архитектуре, в ощущениях перекрестка мировых цивилизаций. Арабская культура не только признается частью истории иберийских народов, но сохраняется и интегрируется в современность.

Примером последнего может служить творчество великого архитектора А.Гауди.

При отсутствии мощной политической силы в Западном Средиземноморье возникает и усиливается политическая и идеологическая сила особого характера – Католическая церковь и папский престол.

По мнению М.Фуше, “под давлением воинствующего ислама зародившееся в Средиземноморье христианство распространилось по Европе”⁹. Но теперь уже без помощи римского государства.

Формирование европейских варварских государств стимулирует и идеологические процессы. Религия Империи была востребована властителями языческой периферии бывшей Римской империи. Поэтому большую роль стал играть институт папского престола, осуществлявший обряд крещения предводителей варварских народов.

Пиренейский полуостров находился под постоянным вниманием римских пап. С одной стороны, это вытекало из всей истории отношений Рима с его крайней западной провинцией, а с другой – исламская экспансия превратила полуостров в передовой фронт соперничества двух мировых религий. Ибо все шло к тому, что христианская церковь вполне могла потерять свою провинцию.

Папский престол был одним из инициаторов Реконксты – борьбы с арабами и основанными ими на полуострове государствами. Папы не раз благословляли войны с арабами. Кроме того, папский престол претендовал на большее, чем на духовную власть. Он с конца XI в. становится активным

участником политических процессов в средневековой Европе. Тот факт, что пиренейские христианские государства вели себя независимо, беспокоило папство. Через своих легатов папы вмешивались во внутрипиренейские отношения, смещая и назначая епископов и правителей.

В свою очередь, пиренейские епископы и правители различных государств полуострова использовали папский престол в своих интересах и в борьбе между собой за первенство. В частности, представители пиренейского духовенства, используя противоречия в римской церкви, старались перетянуть того или иного папу на свою сторону.

Например, светская власть Португалии, используя как аргумент свои успехи в Реконксте, добивалась поддержки своей автономии от Кастилии в обмен на прямую опеку папского престола¹⁰.

Властителей же Кастилии беспокоила не только Португалия, но и ее провинции.

Неизменно подчеркивается, что на Пиренейском полуострове отношения мусульманского и христианского населения первоначально не имели характер жесткого противостояния. Часть подчиненного арабам населения продолжала исповедовать христианство. Причем это население переняло в какой-то степени арабские традиции, быт и изъяснялось на арабском языке. За все это представителей этого населения стали звать “мосарабами” (“муста`риб” – арабизировавшиеся).

Борьба между арабскими и христианскими правителями до XI в. не носила характер религиозной войны, а велась за земли и подданных. И только пришедшие на полуостров берберские племена принесли с собой религиозный фанатизм и вызвали ответную реакцию у христианского населения¹¹.

Тем не менее, религиозный компонент присутствовал в Реконксте хотя

бы потому, что христианская церковь по идеологическим и политическим причинам не могла остаться в стороне от развития христианско-мусульманских отношений на полуострове. Но, как считают исследователи, религиозная нетерпимость появляется лишь на заключительных этапах Реконксты¹².

В то же время соседство с исламом способствовало тому, что на полуострове не зародилось тех значительных еретических движений, которые имели место в других европейских странах. Это также объяснялось тем, что во времена Реконксты пиренейские государства находились на периферии европейских процессов и на определенном расстоянии от их влияния.

Таким образом, Реконкста и периферийность полуострова способствовали укреплению католической церкви¹³.

В целом же длительное присутствие арабо-исламской культуры и ее носите-

лей на полуострове и в Средиземноморье внесло свой вклад в эволюцию иберийской идентичности. Сам по себе термин “периферия” не столько отражает географические координаты соответствующих территорий, сколько их положение по отношению к мировым и региональным лидерам развития и центрам силы¹⁴.

Очевидно, что между центром и периферией существовала соответствующая иерархия статусов, если бы не было периферии, не было бы и центров и стран-лидеров. По ходу своего развития западные государства, став центром “капиталистической мир-системы”¹⁵, многие проблемы решали за счет стран периферии. Другими словами, описание двух названных категорий целесообразно осуществлять через категорию “взаимозависимость” или парную категорию “центр – периферия”.

Средневековый период в формировании нацио-государств на Пиренейском полуострове

Статус или “обретение” качеств периферии у тех или иных территорий возникает не в силу изначальной заданности на отставание, а в процессе эволюции. Причем ситуация может и меняться.

Например, такие страны, как Китай и Япония, в прошлом являлись, по определению Ф.Броделя и Й.Валлерстайна, периферией капиталистической мир-системы¹⁶, но в конце XX столетия они обретают статус центров силы мирового уровня.

В свою очередь, в период Средневековья страны Юго-Западной Европы мало чем отличались от западноевропейских государств, более того они опережали в своем развитии страны северной и восточной периферии Европы. Но уже в XVIII в. эти страны заметно отстают и в итоге становятся юго-западной периферией европейского региона.

На геополитическое место периферий в системе международных координат об-

ращают внимание и другие исследователи¹⁷.

Например, норвежский политолог С.У.Ларсен в своих работах раскрывает суть оппозиции “центр – периферия” в развитии Европы и определяет “взаимосвязь между географическим/топологическим местоположением в Европе и успешностью формирования нации и государства”¹⁸.

Периферийное положение “консервирует” сознание иберийских народов – их верность христианской традиции. Именно поэтому папский престол рассматривал свою иберийскую провинцию как верную опору в Европе не только в период Средневековья, но и в Новое и Новейшее времена. В то же время именно христианизация способствовала тому, что иберийские народы преодолели свою периферийность римского дохристианского периода. Кроме

того, христианство стало той идеологией, с которой они начали колонизацию мира и создали великие империи мирового уровня. Они же, первыми из народов Европы, совершили Великие географические открытия, предопределившие направления и создавшие каналы экспансии европейской капиталистической мир-экономики¹⁶.

При всех известных издержках следует констатировать, что колониальные империи, осуществляя большой объем товарно-денежных потоков между еще формирующимся Центром и периферией капиталистической мир-системы, глобализовали международные отношения. Причем Испания и Португалия сыграли значительную роль в формировании центра мировой экономики, задали тенденции развитию капиталистической мир-системы.

Помимо внешних факторов на формирование и эволюцию идентичности иберийских народов и стран непосредственно влияли и влияют активные и пассивные отношения между ними. То есть, нельзя понять Испанию без понимания испано-португальских отношений, а Португалию – без португало-испанских отношений хотя бы потому, что эти нации и государства вышли из одного пространства культуры и являются соседями. Именно через соседские отношения осуществлялся в прошлом процесс первичной самоидентификации – осознались самобытность и оригинальность народов.

Подобное не являлось исключительным присущим иберийским народам. Их самосознание развивалось по универсальной для любых этнических групп оппозиции: “Мы – Они” – “Мы – лучше, чем они”. То есть первоначально познается внешний (чужой и, как правило, враждебный/конкурирующий) мир, на первом этапе саморефлексии представленный соседними народами. Затем, в ходе познания себя, сравнения

и сопоставления себя с “другими”, начинает вырисовываться контур своего коллективного “Я”.

В условиях относительно ограниченного по размерам, замкнутого и сложного по рельефу географического пространства Пиренейского полуострова процесс выживания народов более четко вырисовывал образ “Чужого” как враждебной силы, что нашло свое прямое и опосредованное проявление при формировании политических структур и во взаимоотношениях вождей племен и “католических королей”. Образ “Чужого” не только формируется стихийно, но и конструируется институтами власти в виде угрозы, ибо он необходим для консолидации населения вокруг властных институтов и для дистанцирования друг от друга. С точки зрения системного подхода, наличие отрицательных обратных связей у общества обеспечивает устойчивость социального организма и стимулирует “целеполагание – стремление к сохранению гомеостаза”¹⁹.

Взаимодействие/соперничество элит иберийских этносов и одновременно династические связи элит явились одной из составляющих государственно-образующего политического процесса на Пиренейском полуострове. В этих процессах доминировали Кастилия и Кастильско-Леонское королевство как центры силы и полюса региональной интеграции. В свою очередь, крайний Запад в лице Португалии демонстрировал свое устойчивое стремление обособиться и стать независимым государством²⁰. Закалившись во время Реконквисты, Португалия добивается от Кастилии и папства признания ее королевством (1143–1179 гг.)²¹.

Так начинается процесс формирования региональной парной категории взаимоидентификации двух нацио-государств – “Испания-Португалия”. Конечно, этот процесс нельзя рассмат-

вать “изолированно от общей политики христианских королевств полуострова”²¹. Между двумя государствами шла длительная череда конфликтов и войн. Этому способствовало, с одной стороны, нежелание кастильских элит признать независимость Португалии и особую идентичность ее населения, а с другой – стремление Португалии и ее населения сохранить сформировавшуюся в период Реконкисы самоидентификацию. Кастильские монархи долгое время внутренне сопротивлялись “сепаратизму” португальцев. Длительное нежелание Мадрида признать самостоятельность португальской нации проявилось в последующие периоды испано-португальских отношений.

В первую очередь, эти государства соперничали за пределами своих территорий – на заморских территориях. Причем речь шла не просто о властвовании над завоеванным населением и обогащении золотом. Колониальная политика двух государств имела свою идеологию и осуществляла определенную миссию.

Испания, находившаяся под постоянной опекой Ватикана, рассматривала свое пребывание на заморских территориях как выполнение миссии распространения христианства, что соответствовало той роли, которую исторически играла католическая церковь в испанском полиэтническом государстве. Испанская монархия нуждалась в поддержке католической церкви и Ватикана, чтобы сохранить единство государства²².

В Португалии значимый для самоидентификации фактор религии уравновешивался чувством единства государства и нации, культурной и языковой самобытности.

Соответственно, испанцы представляли себя на обретенных землях носителями христианской цивилизации и посланниками Ватикана, в то время

как их соседи за морем видели себя представителями единой португальской (конечно, и христианской) нации, осуществляющей культуртрегерскую миссию. В то же время в процессе одной колонизации укреплялась христианская составляющая, а другой – идентичность португальской нации.

Примечателен и тот факт, что обе нации признают противоречивый характер своих источников и не пытаются выпрямить линию своего исторического развития. Более того, в Португалии признание культурного плюрализма источников своей нации, пожалуй, бросает вызов тем европейским странам, которые претендуют на эталон демократии. Так, наряду с христианской и арабской составляющими своей нации португальские историки признают и иудейскую.

Как пишет Ж.Э.Сарайва, гонимые во всех странах иудеи “всегда представляли культурную элиту... в профессиях, требовавших наиболее высокой подготовки (особенно это относится к медицине), в значительной мере в торговле, где работали в основном евреи. Осуждаемые церковью и отторгнутые обществом, они, тем не менее, формировали высший слой общества”²¹. Не каждая европейская страна и сегодня готова на такое признание даже на научном уровне.

По мнению историков, средневековый период развития иберийских народов имел определяющее значение в нацио- и государственно образующих процессах на Пиренейском полуострове⁷. А колониальный период стал высшей точкой этого развития. Но выход иберийцев из изоляции и самоизоляции на просторы мировой истории, обретение “золота инков” и работоторговля не вырвали их из пространства средневековой цивилизации, не подготовили к новому витку эволюции. Напротив, даже сохранение за собой части заморских территорий не остановило обрат-

ный ход – возвращение на Периферию, в то время как их соседи начали постепенно избавляться от пут этой уже вчерашней для Европы средневековой цивилизации.

Тем не менее, именно Средневековье сформировало самобытность и оригинальную культуру иберийских народов (отличную не только от их северных соседей, но и от соседних народов Южной Европы) и способствовало осознанию ими этой самобытности. Память о Реконкисте, колониальных экспедициях, Великих географических открытиях, имперском прошлом и одновременно о междоусобном соперничестве питает современный национализм иберийских народов, а начавшаяся

в XV в. “цивилизаторская” миссия продолжается в новом формате и по сей день, соответственно, в испано- и португалоязычных странах мира.

Следует принять во внимание мнение исследователей, что идеология иберийского национализма есть “естественное продолжение вековых традиций” испанской и португальской колониальных империй²³. Но этому также сопутствует переживание (ностальгия), связанное с крахом этих империй. Програнные колониальные войны и потеря своих заморских территорий, переход ряда их во владение других государств обостряли ощущение периферийности и комплекса малых государств.

Современный взгляд на проблему “Периферии”

Современную Испанию можно по площади и численности населения причислить к средним европейским государствам.

Исследователи полагают, что к концу XIX в., когда ее население равнялось всего лишь 18,6 млн. чел., эту страну следовало отнести к категории “малого” государства и далекой провинции Европы. А Португалию и по сей день территориально и демографически можно отнести только к категории “малого” государства. Причем ощущение иберийскими государствами своей “малости” и периферийности обостряла память о Великом прошлом этих государств. Сохранению этого ощущения способствовали изоляционизм психологии преобладавшего сельского населения и закомплексованность националистически настроенных элит.

Память о когда-то обретенных землях “от моря и до моря” и утерянных территориях, об их разделах и переделах до сих пор живет в сознании целого ряда наций и оказывает свое влияние на их отношения с соседями. Соб-

ственно говоря, целый ряд современных малых и средних государств – это бывшие империи. Более того, те, которые не были империями, потенциально могли бы ими стать. На ранних этапах исторического развития – миграций народов и формирования государств – завоевание территорий обеспечивало и безопасность, и обретение необходимых ресурсов. На современном же этапе экспансия носит в большей степени культурный, технологический и экономический характер.

Встав на путь модернизации, Испания и Португалия предприняли попытку компенсировать свою “малость” и “периферийность” обретением новой, современной идентичности, сопоставимой с государствами Западной Европы. Однако неоднократно начинавшиеся реформы носили половинчатый и незавершенный характер и приводили к социально-политическим конфликтам и потрясениям, которые, в свою очередь, подпитывали негативный национализм и провоцировали установление диктатуры.

Отмеченное имеет отношение к вечно существующей в различных формах проблеме национальной интеграции.

Первичное значение латинского слова *"integratio"* (от *integrer* – целое) означает "восстановление".

А в теории систем означает состояние связанности отдельных дифференцированных частей в целое, а также процесс, ведущий к такому состоянию.

Собственно говоря, национальная интеграция – это бесконечный процесс, ибо противоречия интересов в обществе неизбежны и их наличие постоянно. Периодически возникает обострение противоречий. В свою очередь, в основные функции института государства как органа управления входит разрешение этих противоречий и поддержание консенсуса в обществе.

Испанское государство, хоть и обращенное длительное время во внешний мир, в начале XX в. оставалось слабо консолидированным, испытывающим прессинг местных региональных национализмов. Более того, на рубеже XIX и XX вв. в Испании "стали появляться различные типы "национализмов", такие как подражание движениям за независимость в Америке и Европе"²⁴. Идейным источником этих движений стала философия Просвещения, поставившая вопрос о самоопределении народа (то есть буквально населения) по отношению к идущей сверху имперской монархии.

В первой французской Конституции, принятой 3 сентября 1791 г., декларировалось: во-первых, люди свободны и обладают равенством в правах от рождения; во-вторых, цель каждого государства – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека и, наконец, в-третьих, источник суверенитета находится в нации.

В этом документе закладывались основы для будущей идеи самоопределения народов, исходя из естественного права человека, данного ему от рождения. При этом предполагалось, что права и свободы

присущи только индивиду, принадлежащему к конкретной нации²⁵.

За пределами модернизирующейся и "просвещенной" (от Просвещения) Западной Европы идея нацио-государства, нацио-гражданского общества воспринимается иначе – как этническое, этно-национальное государство. Та или другая этническая группа, выделяясь из империи, обретая собственное государство и декларируя его своим титулом, выстраивает модель отношений, аналогичную имперской иерархии – титульный этнос начинает утверждать свою государственность путем подавления этнических меньшинств.

В современной Испании до сих пор ведется дискуссия о том, насколько обоснованны претензии автономий, стремящихся называться нациями.

Профессор Королевской испанской академии и Королевской академии истории Ф.Р.Адрадос подвергает сомнению реальность испанских региональных национализмов.

По его мнению, "не было никогда ни независимой Каталонии, ни независимой Страны Басков, ни независимой Галисии. То, что происходит сейчас, идет ниоткуда". В то время как "идея Испании ... была общей для всех, от Альфонса X до различных королевств Испании, которые признавали короля Леона как императора. Реконкиста была общим предприятием".

Адрадос убежден, что всегда существовали "древние нации", которые и имеют право на существование и являются основой легитимации государственной суверенности²⁴.

Испанский историк считает, что "Испания – не миф". На географическом уровне существовала Испания племен и народов – финикийцев, греков и римлян, которые и помогли сформировать ее. Но была и единая Испания – диоцез Деоклетиана, королевство готов и Королевство Испании, обрамленные четырьмя углами. И объединяли их Пиренеи, Атлантический океан и Средиземное море.

Это была единственная суверенная сущность... Было единственное политическое неразрывное единство"²⁴.

Итак, испанские историки убеждены, что существовала “единая Испания”, но она была “разрушена”, причем не только внешней силой – исламским вторжением, но и “сепаратизмом” Португалии²⁴. Естественно, что с этой точкой зрения не могут согласиться в Португалии, болезненно относящейся к подобным интерпретациям истории. Даже общее дело иберийских народов – Реконкису – они представляют как важную веху в формировании португальской нации.

Безусловно, нация не только формируется сама по себе и под воздействием внешних факторов, но ее концепция конструируется, прежде всего, через устные предания, летописи, художественную литературу и искусство, а также письменные национальные истории.

Так, при короле Альфонсе X Мудром в XIII в. была разработана целостная концепция национальной истории Испании, в XV в. были составлены “Всеобщие хроники Королевства”.

На процесс формирования иберийских нацио-государств оказало влияние множество факторов, среди которых не только основные исторические периоды развития самого Европейского региона, но и сложные внутривнутриполитические аспекты стран Пиренейского полуострова.

И это неудивительно, поскольку Испания и Португалия, постоянно ощущая комплекс “периферийности”, на протяжении всего существования стремились доказать свою значимость в европейских и мировых процессах. Особенно такого рода настроения укоренились после завершения колониального периода в истории иберийских стран. До сих пор испанские и португальские историки с грустью в сердцах описывают былую славу когда-то могущественных держав.

Смогут ли Испания и Португалия вернуть прежнее влияние и встать в ряд с ведущими странами Европы?

Этот вопрос все еще актуален для большинства политиков и граждан стран Пиренейского полуострова.

В XVII в. в Португалии наиболее читаемым произведением среди образованных людей королевства были “Лузиады”. Существовали и другие издания различных жанров, в которых, несмотря на все переплетения иберийских идентичностей, упорно проводилась линия развития и формирования португальской нации²¹.

Другое дело, что в это время подобные “целостные истории”, так или иначе, писались (не могли не писаться) под власть, то есть выстраивалась некая историческая прямая из реальных и нереальных фактов, чтобы подтвердить прошлым легитимность властвующей династии и закономерность образования существующего государства.

Попытки и указания написать такие “целостные истории” имеют место и в настоящее время. На этот процесс саморефлексии влияют многие факторы, в том числе национальное сознание и соответствующий уровень знания, время и ситуация. И особенно это проявляется в переходных обществах, перед которыми стоит задача сменить национальные ориентиры и систему социокультурных ценностей и одновременно сохранить преемственность ко всем предыдущим периодам своей истории.

Примечания

¹ Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1994.

- ² La Espana Real. Madrid, 1998; *Burdial I., Garcia de Cortazar J.A., Redero M., Cruz Romeo M., Villares R.* Historia de Espana. Madrid, 2004; *Montenero Duque A.* Historia de Espana. Madrid, 1991; *Peres Damiao.* Historia de Portugal. Lisboa, 1991; *Martins A.* Historia de civilizacao portuguesa. Porto, 1952; Monografias das colonias portuguesas. Lisboa, 1978; *Verissimo S.J.* Historia de Portugal. Lisboa, 1979; *Saraiva J.H.* Historia de Portugal. 2006.
- ³ *Гофф Ж.Л.* Цивилизация средневекового Запада. Пер с фр. М., 1992.
- ⁴ *Бродель Ф.* История моря и суши // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Январь; *Braudel F.* La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II P. 1949.
- ⁵ *Ламберг-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 124–178.
- ⁶ *Buchner G.* Pithekoussai: Oldest Greek Colony in the West. 1966. P. 4–12.
- ⁷ *Варьяш О.И., Черных А.П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 5, 124.
- ⁸ *Гофф Ж.Л.* Цивилизация средневекового Запада. Пер с фр. М., 1992. С. 106.
- ⁹ *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. Пер. с фр. М., 1999. С. 30.
- ¹⁰ *Herculano A.* Historia de Portugal. Porto, 1955. Т. 2. P. 190.
- ¹¹ *Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII вв. М., 1976. С. 48–50.
- ¹² *Lomax D.* La Reconquista. Barcelona, 1984; *Варьяш О.И., Черных А.П.* История Португалии. М., 1990. С. 27.
- ¹³ *Вилар П.* История Испании. Пер. с фр. М., 2006. С. 42–48.
- ¹⁴ Center-Periphery Structures in Europe. N.Y., 1987.
- ¹⁵ *Валлерстайн Й.* Анализ силовых систем и ситуация в современном мире. СПб, 2001.
- ¹⁶ *Braudel F.* Le Temps du monde. P. 1979.
- ¹⁷ The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism. Rokkan St., Urwin D. (eds) L., 1982. P. 1–17.
- ¹⁸ *Ларсен Ст.У.* Моделирование Европы в логике Роккана. Политические исследования // ПОЛИС. 1995. № 1. 41.
- ¹⁹ *Плотинский Ю.М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998. С. 15.
- ²⁰ *Вернар П.* История Испании. Пер с фр. М., 2006. С. 33, 66; *Сараива Ж.* История Португалии. Пер с порт. М., 2007. С. 31–34, 190–191.
- ²¹ *Сараива Ж.Э.* История Португалии. Пер. с порт. М., 2007. С. 31–35, 31, 63, 64, 202–204.
- ²² *Прохоренко И.Л.* Испанское национальное государство и феномен национализма // Национализм: теория и практика. М., 1994. С. 93.
- ²³ *Павлова Е.Б.* Португалия и интеграционные процессы в современном мире: политические аспекты. СПб, 2001. С. 18; *Варьяш О.И., Черных А.П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 124.
- ²⁴ *Адралос Ф.Р.* Испанизм? – Испания – Каталония: империя и реальность. Сборник статей. М., 2007. С. 49, 50, 51.
- ²⁵ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник документов. М., 1957. С. 250.